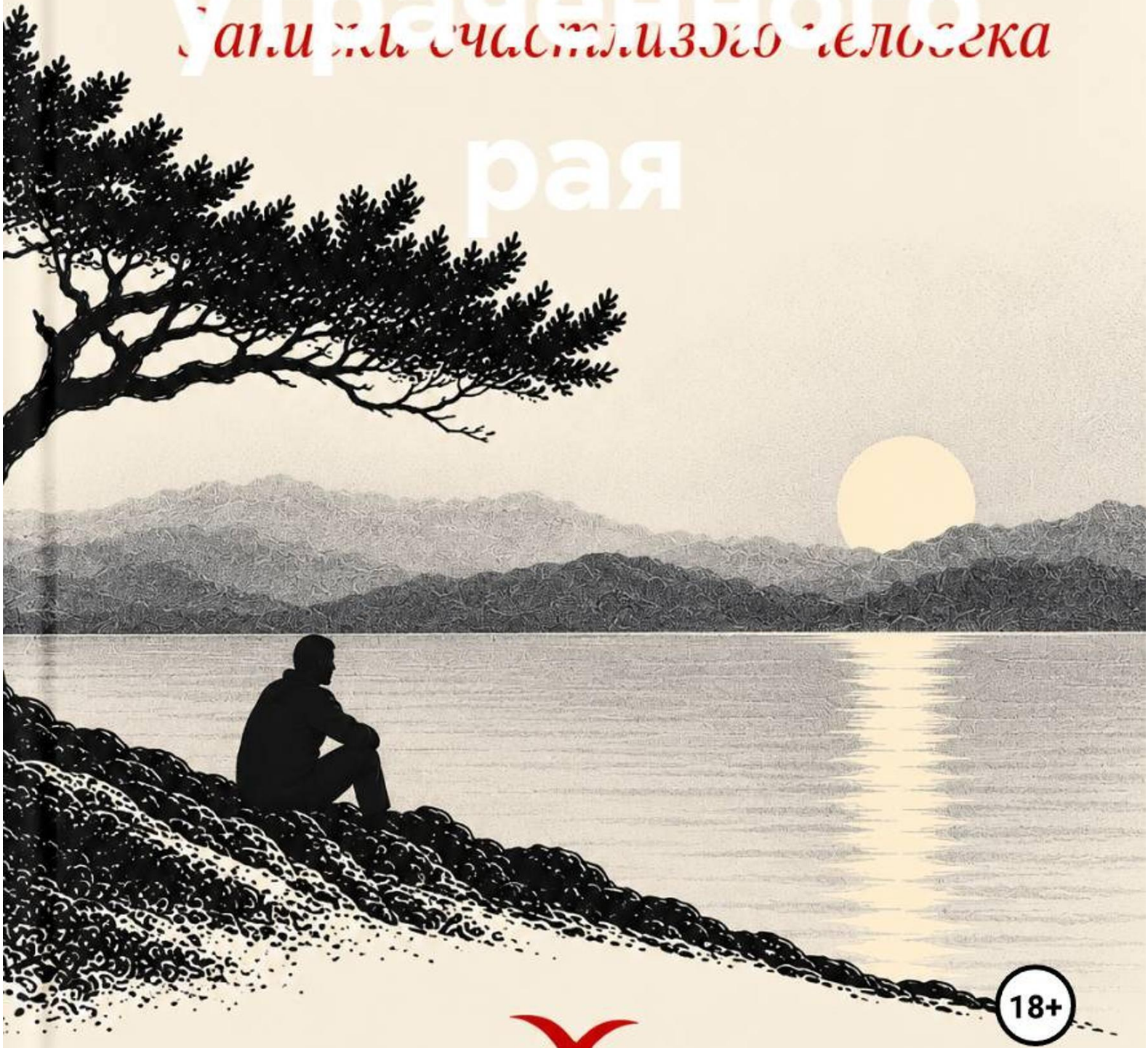
Лев Северин

При участии Арсена Ардена

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ

Записки счастливого человека



18+

Век-21

Лев Северин

В поисках утраченного рая

«Автор»
2026

Северин Л.

В поисках утраченного рая / Л. Северин — «Автор», 2026

Что происходит, когда в строгий, выверенный мир успешного мужчины врывается семнадцатилетняя девчонка с улицы — непредсказуемая, сломанная, не знающая правил?Л. не умеет жить «как надо». Она уходит без предупреждения, живет импульсами, разрушает всё вокруг и одновременно наполняет жизнь главного героя неземным светом. Для него она становится и разрушительной стихией, и долгожданным спасением .«В поисках утраченного рая» — это не просто история одной сложной любви. Это исповедь человека, прошедшего через чистилище чувств, чтобы отказаться от гонки за успехом, переосмыслить ценность каждого момента и обрести внутренний покой. Глубокий психологический роман о грани между страстью и духовным служением. Философская притча о том, как одна встреча способна навсегда изменить траекторию судьбы. Искренний и поэтичный текст, напоминающий прозу Марселя Пруста. «Мы становимся счастливыми в тот момент, когда время исчезает и мы проваливаемся в реальность.

© Северин Л., 2026
© Автор, 2026

Лев Северин
В поисках утраченного рая

Игорь Белкин
В ПОИСКАХ

УТРАЧЕННОГО РАЯ
Записки счастливого человека

Посвящается моей верной жене Владе, безвременно покинувшей нас. Будь благословенна память о тебе.

Посвящается Л. — моей нечаянной музе, подарившей мне необыкновенный опыт любви, духовное пробуждение и мгновения прикосновения к вечности

Когда умер Нарцисс, разлившийся ручей его радости превратился из чаши сладких вод в чашу соленых слез, и Лесные нимфы пришли, плача, из лесов, чтобы петь над ручьем и тем подать ему отраду. […]

— Кто может знать это лучше тебя? — отвечали Лесные нимфы. — Он проходил мимо нас, к тебе же стремился, и лежал на твоих берегах, и смотрел на тебя, и в зеркале твоих вод видел зеркало своей красоты.

— Нарцисс любим был мною за то, что он лежал на моих берегах, и смотрел на меня, и зеркало его очей было всегда зеркалом моей красоты.

ОСКАР УАЙЛЬД

Зачем послал тебя Господь и в качестве кого?
Ведь ты не кровь моя, не плоть и, более того,
Ты даже не из этих лет — ты из другого дня.
Зачем послал тебя Господь испытывать меня.
И сделал так, чтоб я и ты — как выдох и как вдох -
Сошлись у края, у черты, на стыке двух эпох,
На том незримом рубеже, как бы вневременном,
Когда ты здесь, а я уже во времени ином,
И сквозь завалы зим и лет, лежащих впереди,
Уже кричу тебе вослед — постой, не уходи!
Сквозь полусон и полубред — не уходи, постой! -
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

ОТ АВТОРА

Существует такая негласная схема. Почти все ей следуют, и я в том числе: «Вот случится это и это — я наконец буду счастлив». После женитьбы. После рождения ребёнка. После диплома. После повышения. После переезда в другой город или страну. После того, как всё как-то устроится само по себе.

А жизнь тем временем идёт. Прямо сейчас. И пока мы ждём «того самого момента», она часто проходит мимо нас.

Это и есть иллюзия счастья: вера в то, что счастье — это результат, а не состояние. Что его нужно заслужить, дождаться, поймать где-то там, за горизонтом. Но горизонт — это просто линия, до которой хватает взгляда.

За ней — всё та же жизнь. Просто другая картинка.

И самое грустное не в том, что мы ошибаемся. А в том, что из-за этой иллюзии мы обесцениваем то, что уже есть. Мы не даём себе права чувствовать себя нормально прямо сегодня, что бы ни происходило.

История, которую я хочу вам рассказать, происходила в реальной жизни, и это не плод художественного вымысла. Всё, что здесь описано, случилось в самой жизни около десяти лет назад.

У автора было время поразмыслить над случившимся, над этой почти фантастической историей, в которую трудно поверить. Это был, наверное, тот самый случай, когда сама жизнь оказалась изобретательней, чем самое богатое воображение человека.

Мне оставалось только записать на бумагу сохранившиеся воспоминания. То, что получилось, — это уже вам судить, дорогие читатели. Я старался как мог сделать всё возможное, чтобы вы поверили в эту нетривиальную историю, в чём-то даже абсурдную и в которую действительно трудно поверить.

При желании можно всё объяснить до безобразия просто. Но всё равно что-то будет противиться этой простоте.

И ещё важный момент. Текст романа написан не в привычной линейной временной последовательности, когда события, описываемые в романе, строго следуют по шкале времени, а так, как их воспроизводила память — истинный автор этого текста. Я лишь старался успевать за ней записывать то, что она мне диктовала, в той последовательности, которую сама считала нужной. Поэтому заранее прошу прощения, если в каких-то местах вам придётся включить собственное воображение, собственную память, чтобы увидеть эту таинственную связь между эпизодами романа. А она, поверьте, есть. Надо лишь расширить немного границы своей фантазии, постараться уйти от разного рода шаблонов, каких в нашей жизни немало. И посмотреть на текст романа не только глазами взрослого, со своим жизненным опытом, предубеждениями типа «но такого точно не может быть в реальной жизни», а и глазами ребёнка, который есть в каждом из нас. И всегда помнить, что в живой жизни много тайн. Да и сама жизнь — большая тайна.

О памяти

Прошлого уже нет. Это кажется очевидным. Но почему тогда иногда оно становится реальнее настоящего?

Человек может забыть целые годы и помнить несколько секунд. Не помнить, что делал вчера, — и через десятилетия вдруг почувствовать запах комнаты, услышать чей-то смех, увидеть руку, лежащую на краю стола.

Память странно устроена. Она ничего не сохраняет целиком. Она выбирает. Что-то выбрасывает без сожаления. Что-то прячет так глубоко, что мы уверены: этого больше нет. А потом достаточно одного запаха, голоса, слова — и дверь открывается.

Наверное, поэтому я никогда не верил, что прошлое действительно умирает. Оно просто меняет место. Когда-то оно находилось вокруг нас. Теперь находится внутри.

История, которую я хочу рассказать, произошла много лет назад. Когда-то я считал её историей любви. Потом — историей ошибки. Ещё позже мне казалось, что это история спасения. Теперь я уже ничего не хочу определять заранее. Память всё равно знает больше меня. Пусть она сама выбирает дорогу.

Сон

Есть сны, которые исчезают ещё до того, как успеваешь открыть глаза. Несколько минут лежишь, пытаешься удержать хотя бы одну подробность, но она уже ускользнула, и остаётся только смутное ощущение: что-то видел, где-то был, с кем-то разговаривал. А есть другие. Один такой сон я помню до сих пор.

Приснился он задолго до Л., настолько задолго, что я никогда не связывал его ни с ней, ни вообще с чем-либо происходившим в моей жизни. Мне снилось, что я оказался в совершенно

незнакомом городе. Я не знал его названия, не понимал, как сюда попал. Вокруг были дома, улицы, люди — обычный город, только всё в нём казалось немного сдвинутым относительно привычной реальности. Совсем немного, настолько, что невозможно было понять, что именно не так.

Я шёл по улице и вдруг обнаружил, что совершенно голый. Не полураздетый, не потерявший где-то рубашку или брюки — голый. Самое странное, что окружающие почти не обращали на меня внимания. Люди шли навстречу, разговаривали, куда-то спешили, проезжали машины, открывались двери магазинов. Жизнь продолжалась так, словно ничего необычного не происходило, а я шёл среди них и мучительно пытался понять две вещи: где я и как отсюда выбраться.

Стыд почему-то пришёл не сразу. Сначала был страх, но не тот, который испытываешь перед непосредственной опасностью. За мной никто не гнался, никто не хотел причинить мне вред. Страшно было другое: я оказался в мире, правил которого не знал. Пытался вспомнить, откуда пришёл, — не мог. Пытался понять, куда должен идти, — не знал.

В какой-то момент мне показалось, что совсем рядом находится место, которое я ищу. Нужно только свернуть за угол, пройти ещё немного — и всё станет понятно. Я пошёл быстрее. Одна улица переходила в другую, потом ещё в одну, менялись дома, исчезали и появлялись люди, а нужное место всё время оставалось где-то рядом. Я чувствовал его почти физически, но найти не мог.

И ещё было странное ощущение, которое трудно передать словами: словно я здесь уже когда-то был. Не в этом городе — в этой жизни.

Проснулся я с сильным сердцебиением. Несколько минут лежал, глядя в потолок, и пытался понять, что меня так испугало. Голый человек в незнакомом городе — сюжет довольно банальный, любой психолог без труда найдёт ему десяток объяснений. Я тоже нашёл и забыл. Вернее, мне казалось, что забыл.

Прошли годы. Потом появилась Л., и однажды я почему-то вспомнил этот сон. Может быть, потому, что рядом с ней снова испытал то самое ощущение: будто оказался в мире, правил которого не знаю. Мои знания там не помогали, возраст не помогал, опыт не помогал. Книги, которыми я привык объяснять себе жизнь, тоже почему-то молчали. Я опять шёл по незнакомому городу совершенно беззащитным, только теперь мне уже казалось, что я знаю, что ищу.

И, возможно, именно в этом заключалась моя новая ошибка, потому что сегодня я не уверен даже в этом. Иногда мне приходит в голову совсем другая мысль: может быть, во сне я искал не выход. Может быть, я искал вход.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДВЕРЬ
1. Два оборота

Ещё немного — и замок откроется. Я дважды повернул ключ. Дверь поддалась. Странно. Я всегда запирал её на четыре оборота. Впрочем, память никогда не была моей сильной стороной. Она могла подвести в любой момент.

Я толкнул тяжёлую металлическую дверь. Передо мной был знакомый тёмный коридор. И сразу — её запах. Не духи. Её собственный запах. Я остановился. Наверное, запах — самый древний язык памяти. Ему не нужны слова. Он ничего не объясняет. Он просто возвращает.

Я заглянул в комнату и обомлел. На огромном хозяйском диване, занимавшем почти полкомнаты, лежала она. Не то девочка. Не то русалка. Во всяком случае, персонаж явно не из моей прежней жизни.

Неправдоподобно большие зелёные глаза смотрели на меня с какой-то пронзительной простотой. Словно ничего не произошло. Словно несколько часов назад он не ворвался сюда в пять утра и не увёл её Бог знает куда.

И вот она снова была здесь. В грязных, измазанных землёй джинсах. В старой чёрной футболке. Босая.

Тогда она называла себя пацанкой. Одежда её почти не интересовала. Она вообще мало заботилась о том, какое впечатление производит на мир. Хотя мир почему-то постоянно обращал на неё внимание.

Она полулежала, полуспала, полубодрствовала. Лицо неподвижное. Маска.

Значительно позже она скажет мне:

— Никто не знает, что у меня внутри. Какой там хаос. Я просто делаю вид, что всё хорошо. И все верят.

Помолчит. И добавит:

— Кроме тебя.

Я подошёл к дивану, поцеловал её и сел рядом на пол. Она стала рассказывать. Вечером была в клубе. Напилась. Он приехал. Она не хотела никуда идти. Он увёл её почти силой. Затолкал в машину.

Дальше она помнила плохо. В какой-то момент очнулась и потребовала остановиться.

— Я сказала: «Останови, а то выпрыгну». Он знает — я могу.

Она вышла из машины. И пошла домой.

— Через весь город?

— Ну да.

— Босиком?

Она посмотрела на меня так, будто вопрос был совершенно бессмысленным.

— А что такого?

Вот такой она была. То, что для другого человека становилось событием, для неё было просто продолжением дня. Она дошла до квартиры, рухнула на диван и написала мне прощальную записку. Просила простить её. Желала мне счастья, которого, по её мнению, я заслуживал.

— А если бы я не пришёл?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

— Что бы ты делала?

— Ничего. Я об этом не думала.

Помолчала и вдруг сказала:

— Я всё время думала, какой ты хороший.

— Это ещё почему?

— Ты всегда заботишься, чтобы мне было что поесть.

Она сказала это совершенно буднично. И почему-то именно эти слова я запомнил. Не признание в любви. Не благодарность. Еду. Чтобы ей было что поесть. Потом она рассказала, как однажды попросила у матери денег на еду, а та принесла две пачки лапши быстрого приготовления.

— Для брата деньги почему-то всегда находились.

Сказала без злости. Скорее с детской обидой. И сразу успокоила меня:

— Ты не переживай. Я могу несколько дней вообще не есть.

Я посмотрел на неё и понял, что она говорит правду. Через некоторое время она рассказала другое. В тринадцать лет мать выставила её из дома. Маленький чемодан. Улица. Скамейки. Потом приют.

Она рассказывала об этом почти без эмоций. Как будто речь шла о ком-то другом.

— Вот и поживи одна. Может, тогда до тебя что-нибудь дойдёт, — сказала ей мать.

Я слушал и всё сильнее чувствовал странное несоответствие. Передо мной лежала почти девочка. А за её плечами была жизнь, которой хватило бы нескольким взрослым. И всё-таки было в ней ещё одно качество, которое я тогда, наверное, не умел оценить по-настоящему. Она была доброй.

Не той красивой литературной добротой, о которой принято писать в книгах. Л. вообще плохо подходила для красивых определений. Она могла быть резкой, упрямой, невыносимой, могла обидеть человека и даже не заметить этого. Но существовала в ней какая-то почти инстинктивная отзывчивость на чужую беду.

Я замечал это потом много раз. Если на улице кто-нибудь просил деньги, она почти всегда давала. Немного — сколько было. Я ещё мог остановиться, посмотреть, подумать: действительно ли человеку нужна помощь, не обманывает ли он, куда потратит деньги. Л. подобных вопросов почти не задавала. Она просто давала.

И дело было даже не в деньгах. Это чувствовалось в том, как она смотрела на людей. За её пацанской грубоватостью, за привычкой защищаться от мира, за всем тем, чему научили её улица и приют, почему-то сохранилась способность замечать чужую боль. Позже я не раз думал об этом.

Человек, которого столько раз не пожалели, сам умел жалеть. Человек, которому так часто не протягивали руку, протягивал её другим. Наверное, поэтому мне никогда не хотелось видеть в Л. только жертву обстоятельств. Жертвы в ней как раз было меньше всего.

Жизнь могла отнять у неё детство, дом, чувство безопасности, веру во взрослых. Но чего-то главного она всё-таки отнять не смогла. Л. не разучилась быть доброй. И, может быть, это была одна из самых удивительных её побед.

Мы немного поговорили о дедушке. О Есенине. Потом она замолчала.

Я видел: есть что-то ещё, о чём она могла бы рассказать. Но не стал спрашивать. Теперь жалею. Хотя, может быть, и правильно сделал. Чужая душа открывается ровно настолько, насколько сама готова открыться.

Фея была голодна. Даже сказочные существа иногда хотят есть.

— Ну что, — сказал я. — Одевайся. Пойдём куда-нибудь.

Она посмотрела на меня.

— Я ещё вчера думала, что ты придёшь вчера.

Я рассмеялся.

Сейчас уже не помню, где мы ели. Не помню, о чём говорили потом. Не помню даже, что делал в тот день. Память почему-то сохранила именно эту фразу.

Я ещё вчера думала, что ты придёшь вчера.

В ней вся она. И, может быть, вся эта история. Время рядом с Л. вообще вело себя странно. Прошлое легко становилось настоящим. Будущее могло не наступить. А завтра её почти не интересовало.

Очень скоро я понял: она — Маугли. Только джунглями был большой город.

2. Маугли

Почему именно Маугли? Я мог придумать для неё десятки имён. Фея. Принцесса. Русалка. Цыганочка. Мартышка.

Последнее прозвище появилось почти сразу. Её отец рассказывал, что, когда она родилась, первая его мысль была:

— Девочка-мартышка.

В детстве она постоянно вертелась перед зеркалом. А когда много лет спустя я впервые её увидел, у меня мелькнуло почти то же самое:

Какая мартышка пришла к нам устраиваться на работу?

Но осталось всё-таки другое имя. Маугли.

Теперь я понимаю, что не случайно. Маугли появился в моей жизни значительно раньше Л. В мой первый школьный день. Первый класс. Мне подарили книгу Киплинга. Кажется, это была первая настоящая книга, которую я прочитал самостоятельно.

Есть книги, которые мы читаем. А есть книги, которые каким-то непостижимым образом читают нас. Ты ещё маленький. Ничего толком не знаешь ни о мире, ни о людях, ни о самом себе. Но книга уже входит в тебя. И остаётся.

Ты забываешь отдельные эпизоды. Имена. Картинки. Фразы. Но что-то остаётся навсегда. Наверное, именно с «Маугли» началась моя любовь к чтению. А может быть, и не только к чтению.

Меня поразил ребёнок, который жил среди зверей. Он не был зверем. Но и человеком в привычном смысле ещё не стал. Он принадлежал сразу двум мирам. И одновременно — ни одному. Разумеется, в семь лет я не мог сформулировать это такими словами. Я просто читал. Но образ остался.

Прошли десятилетия. Я прочитал сотни книг. Собрал большую библиотеку. Достоевский однажды перевернул моё представление о литературе. Потом были другие писатели, другие книги, другие жизни. Многое забылось. А мальчик из джунглей почему-то остался.

И однажды появился снова. Только теперь передо мной стояла девочка.

Город был её лесом. Она знала его законы значительно лучше меня. Могла исчезнуть на сутки. На двое. Отключить телефон. Спать где попало. Несколько дней почти ничего не есть. Не бояться того, чего боялся бы любой разумный человек. И при этом панически бояться того, на что другой даже не обратил бы внимания.

Она могла безошибочно почувствовать опасного человека — и через несколько часов сама пойти навстречу беде. Могла сказать удивительно точную вещь — и через минуту совершить совершенно бессмысленный поступок.

Я пытался понять её. Это было моей первой большой ошибкой. Л. не очень нуждалась в том, чтобы её понимали. Она жила. Я — понимал жизнь. Между мной и миром стояли книги, фильмы, знания, опыт, сравнения, выводы. Между ней и миром почти ничего не было. Наверное, поэтому она так меня и притягивала.

Цыганка

Но прежде чем рассказать, как всё началось, я должен вспомнить ещё одну историю. Долгое время я вообще не считал её частью истории с Л. Да и почему должен был? Она произошла раньше, в другой жизни, среди совершенно других забот, когда я ещё ничего не знал о девочке с огромными глазами, которая однажды войдёт в мой офис, опоздав на два часа, а потом напишет на доске три слова с тремя ошибками.

Я не очень верил в гадания. Не потому, что был убеждённым материалистом. Скорее наоборот. Мне всегда казалось, что мир устроен значительно сложнее наших представлений о нём. Но именно поэтому люди, обещающие за несколько монет объяснить его тайны, вызывали у меня недоверие.

Цыганка подошла неожиданно. Не помню уже, где именно это произошло. Память почему-то сохранила её лицо, голос, отдельные слова — и почти полностью выбросила всё остальное. Она предложила погадать. Я отказался. Она не ушла и продолжала смотреть на меня внимательно, как будто увидела что-то, чего не видел я сам.

Я не хочу теперь, спустя столько лет, приписывать ей пророчество только потому, что знаю, что произошло потом. Помню другое: разговор почему-то задержался в памяти. Я дал ей какие-то деньги и пошёл дальше, а через несколько минут, наверное, уже думал о чём-то совсем другом.

Человеку вообще кажется, что важные события должны предупреждать о своём приближении — музыкой, знаками, каким-нибудь особенным состоянием воздуха. Ничего подобного.

Ты идёшь дальше, покупаешь что-нибудь, отвечаешь на телефонные звонки, работаешь, возвращаешься домой. Живёшь.

А где-то впереди уже существует человек, которого ты ещё не знаешь. Он тоже просыпается утром, ест, ссорится с кем-то, смеётся, плачет, идёт по своим улицам. Вы пока совершенно чужие. Между вами годы, города, обстоятельства, возраст, случайности. И всё-таки ваши дороги уже движутся навстречу друг другу. Разумеется, тогда я ничего такого не думал. Я просто забыл цыганку.

3. Как всё началось

Но я опять забежал вперёд. Память всегда так делает. Ей совершенно всё равно, что произошло раньше, а что позже. Она идёт туда, где больнее. Или светлее. Поэтому придётся вернуться.

Всё началось с телефонного звонка. Я сидел в офисе, когда раздался телефон. На том конце был звонкий девичий голос.

— А вы берёте на работу с семнадцати лет?

Я ответил, что возраст и образование меня интересуют меньше, чем то, что человек реально умеет делать.

— Приходите завтра в девять утра. Только постарайтесь не опоздать.

На следующий день она появилась в одиннадцать. На два часа позже. Хорошее начало. Я посмотрел на неё и сказал:

— Вообще-то мы договаривались на девять.

Она ничего не стала объяснять. Не извинилась. Просто села на стул и стала ждать, что будет дальше.

Почему я не указал ей на дверь — до сих пор не знаю. Возможно, настроение было хорошее. Возможно, мне стало любопытно. А может быть, некоторые решения принимаются в нас раньше, чем мы успеваем придумать им разумное объяснение.

— Ладно. Приходите завтра. Вы приняты с испытательным сроком.

Она кивнула. Вот и всё. Передо мной была молоденькая девушка, пришедшая устраиваться на работу. Я ничего о ней не знал. Да и должен ли был?

В бизнесе всё устроено просто. Работодатель покупает время и труд работника. Предоставляет инструменты. Работник помогает зарабатывать деньги и получает за это зарплату. Ничего личного. По крайней мере тогда я именно так думал.

Чтобы разрушить эту вполне разумную конструкцию, Л. понадобились всего три слова. И три ошибки. У меня в офисе была интерактивная доска. Каждое утро я записывал на ней главную задачу дня.

Я вообще любил всё организовывать. Планы. Сроки. Цели. Результаты. Наверное, в то время я ещё верил, что жизнью можно управлять примерно так же, как бизнесом.

Однажды утром в самом низу доски я увидел зелёную надпись:

все будед харашо

Я остановился. Перечитал. Три слова. Три ошибки. Это уже было почти искусство.

— Кто это написал?

Выяснилось — она.

— Однако ты грамотейка. Три ошибки в трёх словах. Где ты вообще училась?

— В колледже.

И улыбнулась.

Вот, пожалуй, и всё. Но почему-то я запомнил.

Сейчас, спустя годы, мне трудно избавиться от ощущения, что именно тогда кто-то незаметно провёл первую линию, разделившую мою жизнь на «до» и «после». Хотя в тот момент ничего особенного не произошло. Просто зелёный фломастер. Доска. И девочка, которая была совершенно уверена: всё будет хорошо.

Девочка-цыганка

Был ещё один сон, о котором я вспомнил только значительно позже.

Теперь, когда я собираю эти разрозненные эпизоды вместе, возникает соблазн выстроить из них красивую цепочку. Цыганка. Сон. Л. Всё заранее предсказано, всё кем-то придумано, остаётся только идти по расставленным указателям. Но так не было. В жизни никакой цепочки я не видел. Она появилась значительно позже.

Во сне была девочка. Почему я решил, что она цыганка, объяснить не могу. Может быть, из-за чёрных волос. Может быть, из-за глаз. А может быть, во сне мы вообще знаем вещи, которые никто нам не сообщал. Я просто знал: цыганка.

Она стояла немного в стороне и смотрела на меня. Не улыбалась, не звала, ничего не говорила. Но было ощущение, что мы знакомы. Вот это я помню особенно хорошо. Не лицо. Не одежду. Не место. Узнавание.

Иногда встречаешь человека впервые и совершенно точно понимаешь, что видишь его впервые. А иногда происходит странное: разум говорит — незнакомец, а что-то внутри отвечает — нет, мы уже встречались. Именно это происходило во сне.

Я пытался подойти к ней. Она не убегала. Просто расстояние почему-то не уменьшалось. Я делал несколько шагов — она оставалась там же. Ещё несколько — то же самое.

Мне становилось всё важнее приблизиться. Не потому, что девочка была красивой. Кажется, во сне я вообще об этом не думал. Мне нужно было понять, кто она. И почему я её знаю. Я хотел спросить:

— Мы встречались?

Но почему-то не мог произнести ни слова. Она смотрела. И вдруг улыбнулась. На этом сон оборвался.

Утром я помнил его довольно отчётливо. Потом он, как и положено снам, начал исчезать. Осталось несколько картинок: чёрные волосы, большие глаза, улыбка. И ощущение невозможного знакомства. Потом исчезло и оно.

А через много лет в мой кабинет вошла девочка. Опоздала на два часа. Села напротив меня. Чёрные волосы. Белое лицо. Неправдоподобно большие глаза. Я посмотрел на неё. Ничего не произошло. Никакой молнии. Никакого голоса свыше. Я не вскочил с кресла с криком:

— Это ты!

Более того, первая моя мысль была куда прозаичнее:

Какая мартышка пришла к нам устраиваться на работу? Вот вам и мистика.

Но значительно позже, когда Л. уже прочно поселилась в моей жизни, я почему-то вспомнил тот сон. И девочку. И её глаза. И странное ощущение, что мы уже знакомы. Была ли она похожа на Л.? Сегодня я не могу ответить.

Память — опасный художник. Она постоянно дорисовывает прошлое красками, которых тогда ещё не существовало. Возможно, теперь я просто наделил ту девочку чертами Л. Поэтому не стану утверждать, что видел её заранее. Не знаю.

Но иногда рядом с Л. меня посещало чувство значительно более странное, чем любовь. Мне казалось, что я её узнаю. Не знакомлюсь, не изучаю, не привыкаю. Узнаю. Словно она пришла откуда-то, где мы уже знали друг друга. Или — эта мысль появилась значительно позже — откуда-то, где мы ещё только должны были встретиться.

Наверное, именно поэтому я иногда смотрел на неё и думал совершенно невозможную вещь:

Она не из моего прошлого. Она из моего будущего.

4. Можете не платить

Через несколько дней она вошла ко мне в кабинет.

— Мне так нравится у вас работать, можете вообще мне не платить.

Я поднял голову. За годы предпринимательской жизни я встречал разных работников. Но человека, добровольно предлагавшего не платить ему зарплату, видел впервые. Я посмотрел на неё внимательнее. Невысокая. Чёрные волосы. Большие глаза. Белое лицо. Улыбается.

— Совсем?

— Ну да.

И засмеялась. Наверное, именно тогда я впервые подумал: Что это за странная девчонка? Так началась наша дружба. Если это вообще можно назвать дружбой. Она стала иногда заходить ко мне поговорить. Рассказывала о себе. Я слушал.

Довольно скоро обнаружилось, что к её рассказам следует относиться осторожно. Л. могла соврать совершенно спокойно. Глядя прямо в глаза. Причём я не уверен, что она сама всегда понимала, когда говорит правду, а когда нет.

Реальность и фантазия жили в ней рядом. Иногда менялись местами. Иногда дружили.

Я тогда ещё этого не знал. Передо мной сидела странная, весёлая девочка и смотрела своими огромными глазами. Словом, я попался. Но понял это значительно позже. Однажды она сказала:

— Мне негде жить.

— Как это негде? У тебя же есть родители.

Тогда она рассказала об отце. Он привёл домой молодую женщину с ребёнком. Л. казалось, что после этого для неё самой в доме места почти не осталось. Особенно она запомнила какую-то совершенно бытовую сцену. Попросила у отца денег на сигареты.

— Мне на подгузники денег не хватает, — ответил он.

Наверное, дело было вовсе не в сигаретах. И даже не в подгузниках. Иногда человек слышит совсем не те слова, которые ему произносят.

Л. услышала:

Ты мне больше не нужна.

— Я там жить не могу, — сказала она.

Что я должен был ответить? Конечно, пожалел. Дал немного денег в счёт зарплаты, чтобы она сняла комнату. Она быстро что-то нашла. Через несколько дней неожиданно пригласила меня в гости. Я удивился, но тогда был занят каким-то проектом и не поехал.

Кажется, именно с этого момента наши отношения начали незаметно выходить за пределы простой формулы: работодатель — работник. Прошло совсем немного времени. Она опять появилась в моём кабинете.

— Я там больше не могу.

— Почему?

— Соседи алкоголики.

Пауза.

— Можно я буду спать в офисе?

Нормальный руководитель, вероятно, ответил бы:

— Нет.

Я сказал:

— Ладно.

Несколько ночей она действительно спала в офисе. И тут со мной начало происходить что-то странное. Я стал приезжать на работу раньше. Убеждал себя, что из-за дел. На самом деле мне хотелось увидеть её спящей.

Л. могла спать где угодно. В одежде. Не раздеваясь. Едва прикрывшись одеялом. Телефон возле неё разрывался от звонков. Она не шевелилась. Я иногда смотрел на экран. Кто мог звонить ей столько раз?

Телефон замолкал. Через минуту начинал снова. А она спала. Проходил час. Другой. Стрелки подходили к полудню. Рабочий день давно начался. Будить её я не решался. Ино-

гда она открывала глаза. Видела меня. Улыбалась каким-то сонным благодарным взглядом. И снова засыпала. Я выходил из комнаты.

Сейчас мне смешно это вспоминать. Но тогда почему-то было совсем не смешно. Очень скоро мне сделали замечание на вахте:

— Почему ваши сотрудники находятся в офисе ночью?

Пришлось поговорить с Л.

— Так больше нельзя. Возвращайся к отцу.

— Нет.

— Почему?

— Не могу.

Категорически. Без объяснений. Как всегда.

И тогда я впервые задал себе совершенно разумный вопрос: Почему я вообще должен с ней возиться? Кто она мне? У меня была нормальная жизнь. Семья. Дом. Сын. Жена. Издательский бизнес. Большой проект, от которого я многого ожидал.

Я не искал никаких приключений. Во всяком случае, мне так казалось.

И именно в это время жена однажды сказала:

— Ты всё равно целыми днями пропадаешь на работе. Может, тебе снять квартиру рядом с офисом? Домой приезжаешь только спать.

Удивительное свойство судьбы. Она редко сообщает о себе фанфарами. Обычно просто складывает рядом несколько обыкновенных обстоятельств. Девочке негде жить. В офисе ночевать нельзя. Жена предлагает снять квартиру. И решение возникает словно само собой.

А что, если действительно снять квартиру? Пусть Л. там живёт. А я иногда буду заходить. Так. Для разнообразия. Мне тогда ещё казалось, что я прекрасно понимаю, что делаю.

5. Фотография

Но прежде случилось ещё одно маленькое событие. На моём цветном принтере кто-то распечатал фотографии Л. Обычная офисная бумага. Ничего особенного. Я взял одну. Потом другую. И стал рассматривать.

Трудно объяснить, что произошло. До этого я прекрасно знал, как она выглядит. Видел почти каждый день. Но камера почему-то показала мне другого человека. Есть красивые люди, которых фотография упрощает. А есть другие. Камера словно обнаруживает в них то, чего обычный взгляд не замечает. Л. была именно такой.

Я смотрел на фотографию и не мог оторваться. Что я там увидел? Красоту? Конечно. Но что-то ещё. Беззащитность. Вызов. И какую-то тайну.

Словно человек смотрел на мир и говорил:

— Ну давай. Посмотрим, что ты ещё можешь со мной сделать.

Наверное, именно тогда во мне что-то щёлкнуло. Человек, который ещё вчера был одной из моих сотрудниц, неожиданно оказался в центре моего внимания. С этого мгновения всё стало опасным. Хотя я, конечно, ещё ничего не понимал.

6. Квартира

Квартиру нашли быстро. Новый дом. Хорошая мебель. Стиральная машина. Для меня — обычное жильё. Для неё — почти царские палаты.

Л. была счастлива. А когда она была счастлива, пространство вокруг действительно менялось. Казалось, в квартире поселилось солнце. И меня начало тянуть туда с какой-то невероятной силой.

Сначала я всегда находил повод. Привезти продукты. Что-нибудь купить. Проверить, всё ли нормально. Помочь. Поговорить. Потом повод перестал быть нужен. Мне просто хотелось её видеть.

Л. довольно быстро освоилась. То, что ещё вчера приводило её в восторг, через несколько дней становилось совершенно естественным. Это тоже было в её характере. Она удивительно легко принимала подарки судьбы. И так же легко могла их потерять.

Мне нравилось приносить ей всякие «вкусняшки». Так она сама их называла. Она радовалась по-детски. А я почему-то получал от её радости даже больше удовольствия, чем она. И однажды мне пришла в голову великолепная — как я тогда считал — идея. Я сделаю из неё звезду.

Фотогеничность невероятная. Красота необычная. Манеры — ну, это поправимо. Одежда. Речь. Образование. Поведение. Я на мгновение почувствовал себя Пигмалионом. Очень удобный миф для мужчины, который ещё не готов признаться самому себе в том, что влюбился.

Нет. Я её не люблю. Я просто хочу помочь. Раскрыть способности. Дать шанс. Как много прекрасных объяснений человек способен придумать, только бы не произнести одно короткое слово.

Любовь.

Она была совсем юной. Между нами лежала не просто разница в возрасте. Почти историческая пропасть. Мы принадлежали разным поколениям. Разным эпохам. Разным мирам. Поэтому некоторые мысли я просто запретил себе. И странно — это не причиняло мне особых мучений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.